

Как только эти слова прозвучали, над столом повисла глухая, почти мёртвая тишина.

Цзянь Нань невольно посмотрел на Ли Чуаня — и тут же столкнулся с его взглядом. Мужчина смотрел чёрными, будто бездонными глазами, от которых внутри сразу становилось тревожно.

— Эм... — Цзянь Нань по инерции хотел хоть что-то сказать, чтобы разрядить обстановку.

Но Ли Чуань заговорил первым:

— Был.

После этого признания атмосфера за столом вовсе не разрядилась — напротив, те, кто был хоть чуть-чуть в теме, теперь и вовсе не знали, что думать и как себя вести.

Зато зрители взорвались:

«Так они и правда... реально?»

«Фанатам детства сегодня, считай, Новый год!»

«Честно? Я — фанат Ли-гэ, но услышать это... удивительно спокойно».

«Да-да, будто... ну вот, наконец-то».

«Нет, я всё равно против! Да они вообще не подходят друг другу!»

На лице Ли Чуаня исчезла прежняя ленца — появилась даже какая-то задумчивость, серьёзность. Он размеренно сказал:

— Моя мама всегда любила вспоминать, какой я был в детстве: мол, чужие дети — липучки, а я нет; чужим детям домашку надо объяснять, а мне — нет. Я рос слишком гладко, без приключений, вот и скучно было.

Он чуть прищурился:

— Когда я встретил Цзянь Наня... мы тогда маленькие были. Он иногда бывал тугодумом, но к людям относился... по-настоящему, от всей души. Помню, однажды я разыграл его, сказал, что он — мой брат, которого потеряли много лет назад. И он поверил.

Воздух за столом становился всё тяжелее, и вдруг — эта комментарная история. Люди вокруг невольно рассмеялись.

Цзянь Нань вспыхнул, возмущённо — и с именем, и по-домашнему:

— Чуань!

Тот лишь лениво вздохнул:

— Этот мальчишка с виду умный, а на деле — упрямей камня. Если уж что-то решил, то даже если я скажу обратное — толку ноль. Такой баран упрямый... За всю жизнь, кроме тебя, я ни о ком столько не переживал.

Лю Аньмин не удержался от любопытства:

— Раз у Нань-Наня столько недостатков, с чего ты вообще мог влюбиться?

— А как же, — Ли Чуань усмехнулся. — Он же интересный. Жить бок о бок с человеком, который точь-в-точь как ты сам? Скукотища смертная.

От его почти отцовского тона все за столом едва не поперхнулись.

Зрители тоже веселились:

«Вот это дьявольские речи».

«И снова началось: “у чужих детей всё лучше”».

«Будь я Нань-Нанем, я бы его уже ударил».

Но Цзянь Нань в этот момент думал совсем о другом. На самом деле Ли Чуань был прав: у него действительно характер упрямый, прямолинейный. Если что-то решил — хоть колом на голове чеши, никто не переубедит. Он всегда шёл вперёд, пока сам не врежется в стену.

С чувствами к Ли Чуаню никто не верил, никто не поддерживал — а он всё равно не отступал. Связавшись с таким человеком, как Дин Мо, он тоже слышал немало сплетен: говорили, у того характер дурной, что с ним водиться нельзя. Но он не верил. Упрямо шёл до конца, пока в прошлой жизни, только благодаря Ли Чуаню, наконец не увидел истинное лицо Дин Мо — и не остыл окончательно.

В самом деле, кто ему виноват — сам же себе всё и устроил, сам же и мучается.

Фэн Цзинь рядом хлопнул в ладоши:

— Ладно, давайте следующую партию начнём.

Все будто встрепенулись: предыдущая неловкость осталась позади. Правила те же — «камень-ножницы-бумага». Фэн Цзинь отсчитал:

— Три, два, один!

Рассеянный Цзянь Нань, разумеется, снова проиграл.

Фэн Цзинь весело прищурился:

— Нань-Нань, выбирай: правда или действие?

Цзянь Нань задумался, потом тихонько выдохнул:

— Действие.

Это многих удивило: все-то думали, что с его характером он бы выбрал более безопасную «правду», и дело с концом.

Фэн Цзинь какое-то время размышлял, а потом расплылся в самодовольной улыбке:

— Раз действие, тогда... проведёшь со мной весь день, играя в свидания!

«Игра в свидания.»

Эти три слова заставили всех за столом онеметь.

Цзянь Нань особенно:

— Ч-что за игра такая — «в свидания»?

— Ну-у... — Фэн Цзинь поудобнее устроился на стуле и начал объяснять. — Надо сыграть пару. Сегодня весь день ты — мой парень. Мы идём на свидание. Такой вот формат экстремального задания.

Цзянь Нань беспомощно улыбнулся:

— Это вообще считается игрой?

Фэн Цзинь почесал в затылке:

— Ну... как бы да. Всего на один день. Будешь?

Цзянь Нань ещё не успел открыть рот, как рядом вмешался Ли Чуань:

— Он не будет.

?

Фэн Цзинь озадаченно уставился на него.

Ли Чуань вполне уверенно и без тени сомнения пресёк идею:

— Вам ещё за стариками смотреть, где вы время на глупости возьмёте?

Фэн Цзинь не сдавался, схватил Цзянь Наня за руку и затряс:

— Нань-Нань, ну давай. Давай сыграем! Ну сыграем же.

Цзянь Нань замялся. С одной стороны — полный бред. С другой — он боялся, что это на камеру может выглядеть... слишком. Всё-таки они же снимаются.

Лю Аньмин лениво вставил:

— А что такого? Нань-Нань же говорил, что ни разу не встречался. Самое время попробовать.

Ли Чуань раздражённо приподнял бровь и уже открыл рот, чтобы возразить, как вдруг где-то сбоку раздался голос режиссёра:

— Так, внимание, все слушаем меня.

Ли Чуань сразу расслабился. Если режиссёр вмешался — значит, остановит этот балаган. Всё-таки он знает меру.

Но режиссёр, как назло, решил подлить масла в огонь:

— Мы с пожилыми участниками уже посоветовались. Как видите, дождь, поэтому программу переносим на завтра. А если после обеда дождь закончится, можете пойти прогуляться на ярмарку. Говорят, вечером ещё и ночной рынок будет.

??

Небеса будто решили подбросить подарок — новость была что надо.

Все лица тут же расцвели улыбками... кроме одного. У киноимператора Ли Чуаня эта улыбка стремительно таяла.

Зрители, конечно, не промах:

“Хахаха, можно лицо Ли-ге крупным планом?”

“ХАХПАПХЗАВПЫХПЫА (я катаюсь со смеху)”

“Он первый будет против.”

“Но толку ноль — весь мир помогает Сяо Цзиню и Нань-Наню.”»

Ли Чуань, вцепившись в последнюю надежду, посмотрел на Цзянь Наня. В его представлении тот — мальчик воспитанный, осторожный, даже немного старомодный. Ну никак он не согласится на такую дичь. Не может согласиться.

С этой мыслью Ли Чуань немного успокоился, даже воодушевился. Он с явным ожиданием уставился на Цзянь Наня, уже представляя, как Фэн Цзинь сейчас обидится и вспухшим котёнком будет жаловаться на отказ.

И вот...

Цзянь Нань подумал, кивнул и совершенно спокойно сказал:

— Ладно.

Фэн Цзинь подпрыгнул от счастья, едва не затанцевал:

— Ура! Нань-Нань — лучший! Всё, с этой секунды ты — мой парень!

Цзянь Нань, которого тот чуть не раскачал, мягко похлопал его по плечу:

— Хорошо-хорошо, садись. Игра ещё не закончилась.

Фэн Цзинь тут же послушно сел, сияя как солнечный зайчик.

А над головой Ли Чуана будто медленно вырос огромный вопросительный знак.

Он что, проделал весь этот путь только для того, чтобы своими глазами наблюдать, как эти двое становятся парой перед ним же? Чтобы добровольно сидеть тут и мучиться?

Фэн Цзинь же, в полном восторге, щебетал:

— Давай-давай, следующую партию начинаем быстрее!

Обычная, ничем не примечательная игра вдруг заиграла красками. Они втроём развернули целый аттракцион: вспоминали смешные случаи, почти-скандальные истории, чуть-чуть личного — но всё аккуратно, со вкусом.

Начиналась последняя партия. Всё те же правила, всё тот же отсчёт. Фэн Цзинь вскочил, торжественно выкрикнул:

— Три! Два! Один!

Проиграл Лю Аньмин.

Он до этого только задавал вопросы другим, но, похоже, колесо фортуны наконец провернулось. И, кстати, очень вовремя — настроение Ли Чуаня после «зеленой шапки» было, мягко говоря, не лучшим.

Ли Чуань тут же спросил:

— Правда или действие?

Лю Аньмин сделал глоток кофе, довольная улыбка расплзлась по лицу:

— Ли-гэ отвечал честно на вопрос. Если я уклонюсь от ответа — разве это будет правильно?

Ли Чуань слегка приподнял бровь, не выдавая эмоций.

Лю Аньмин положил ложечку:

— Правда.

Все за столом снова вытянули шеи, буквально наострили уши. Хотя Лю Аньмин внешне казался простым, открытым, совсем безбарьерным человеком, при длительном общении становилось ясно: он как стекло без царапин — ни капли лишнего не показывает, ни одной эмоции не выдаёт, всё у него спрятано глубже некуда. Вытащить из него какой-то «компромат» — это всё равно что влезть на небо.

И вот вдруг появилась возможность — редкая, почти нереальная. У всех глаза расширились.

Ли Чуань слегка разжал тонкие губы и прямо спросил:

— Ты уже не мальчик. Есть кто-то, кто тебе нравится?

Уровень накала рос от вопроса к вопросу.

Лю Аньмин спрашивал кино короля о его чувствах — Ли Чуань в ответ нанёс удар покруче.

Мелкие за столом сразу перестали шуметь, сидели тихо-тихо, наблюдая, как два титана обмениваются ударами, и попутно впитывая каждую каплю потенциальной сенсации.

Зрители, понятное дело, тоже кипели:

«Ли-гэ, Ли-гэ, ты гений!»

«Ох... мне почему-то страшно услышать ответ.»

«Но Лю-гэ почти тридцать. Что уж... Возраст подходящий — семья, отношения, всё логично.»

Все взгляды устремились на Лю Аньмина. Особенно оператор — тот едва не полез ближе, лишь бы снять момент покрупнее и поярче.

Лю Аньмин с привычной мягкой улыбкой ответил почти мгновенно:

— Нет.

Ли Чуань даже чуть замедлился с реакцией — а вот Лю Аньмин нет. Ни секунды паузы. Ли Хао бросил на него быстрый взгляд, но промолчал.

Когда кинокороль сказал «да», атмосфера уже была напряжённая. А после твёрдого «нет» Лю Аньмина она и вовсе будто сползла в ледяную пропасть.

Никто ничего резкого не произнёс — но за столом точно был человек, которого эта тема задевала куда глубже, чем он хотел показывать.

Почувствовав, что всё рискует окончательно покрыться инеем, Фэн Цзинь поспешно встрял:

— Давайте сменим игру! Быстро-быстро!

Цзянь Нань тоже кивнул:

— Давайте.

После общего согласия съёмочная группа тут же притащила коробку, полную карточек с вопросами. Нужно бросать кубик: у кого самое маленькое число — тот вытягивает вопрос и отвечает.

Очередность начиналась с Ли Хао.

Он бросил кубик — тот дважды перекувырнулся и остановился: 1.

Дальше:

Лю Аньмин — 4.

Ли Чуань — 4.

Цзянь Нань — 5.

Фэн Цзинь — 3.

Прошлись кругом — и судьба снова выбрала Ли Хао. Безжалостно и точно.

Фэн Цзинь хихикнул:

— Ли-ге, тянит

Ли Хао не возражал. Раз уж очередь его — то его. Он поднялся, потянул из коробки длинную бумажную полоску. На ней было написано:

«Из всех людей, которых ты встречал на съемках, кто запомнился тебе больше всего?»

Вопрос, по правде говоря, был не из сложных.

Лю Аньмин мельком взглянул на него — в этом взгляде было что-то странное, едва уловимое ожидание.

Ли Хао положил бумажку, немного подумал и произнёс:

— Мой дублёр.

«.....»

Воздух на мгновение застыл.

— Мой дублёр много терпел, — начал Ли Хао свою фирменную «одиночную» речь. — За время съёмок он получил не меньше травм, чем я. Однажды даже ногу сломал, едва не остался инвалидом. Сколько лет работает — а я всё чувствую себя перед ним виноватым.

Лю Аньмин тихо фыркнул, почти холодно.

А Ли Чуань, напротив, искренне обрадовался:

— Ли-лаоши, ты действительно человек чуткий и благодарный.

Ли Хао по-простецки кивнул.

Зрители же моментально уловили несостыковку:

«Кажется, я кое-что заметил...»

«Я тоже...»

«Старший брат всё время смотрит на Ли Хао.»

«Да-да! Раньше он всегда садился рядом с Нань-Нанем.»

«И последние дни в стриме тоже — всё к Ли Хао тянется.»

Но вне зависимости от догадок — стрим продолжался, игра тоже. Начался новый круг бросков. По итогам — самое маленькое число выпало у Цзянь Наня.

Он поднялся и вытащил из коробки белую бумажку. На ней было написано:

«О чём ты жалеешь больше всего?»

Вопрос не казался тяжёлым, но Цзянь Нань всё же задумался.

Все смолкли, терпеливо ожидая его ответа.

Наконец он поднял глаза:

— Наверное... я больше всего жалею, что в детстве не пробовал ничего нового.

За столом поднялась волна любопытства.

— В детстве я был... слишком зажатым, — улыбнулся Цзянь Нань. — Постоянно сидел дома, друзей почти не было, снаружи миром толком не интересовался. Сейчас жалею. Если бы тогда выходил, играл, что-то видел... многое могло бы быть по-другому.

Фэн Цзинь наклонился вперёд:

— А из-за того, что не гулял, у тебя есть какие-то прям... особые сожаления? Если да, мы в любой момент можем прогуляться!

Сожаления?

Цзянь Нань на секунду прикусил губу.

В памяти всплыло слишком многое.

Он жалел, что из-за одиночества ухватился за Ли Чуаня, будто за последнюю соломинку.

Жалел, что из-за страха потерять — отдавал всё сердце до последней капли.

Жалел, что в тот год, когда его заперли в складе, не смог быть сильнее.

Семья Ли действительно относилась к нему очень хорошо.

Но, возможно, именно из-за этого стала для него клеткой. Забором, что огородил весь его «прошлый мир».

И винить было некого — только себя.

Однако... лишь один человек за столом уловил в этом ответе главное.

Лю Аньмин приподнял бровь и прямо спросил:

— Нань-Нань, вы же с Ли Чуанем с детства знакомы. Получается... он тебя никогда никуда не водил?

<http://bllate.org/book/12642/1121323>